

№105 2011 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

РОССИИ НУЖНЫ НОВЫЕ ВЫБОРЫ

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

4 декабря в России прошли выборы в Государственную думу.

Скоординированная работа наблюдателей позволила выявить массовые фальсификации в ходе голосования и подсчета голосов. Граждане убедились: обману и манипуляциям можно противостоять.

Беззастенчивая фальсификация вызвала массовые протесты, каких Россия не видела на протяжении многих лет.

Самозванные наследники Столыпина из правящей партии утверждают, что они хотят спасти Россию от великих потрясений. Но искажение результатов народного волеизъявления — самый прямой путь к гражданской смуте.

Неуместная в этих обстоятельствах спешка с созывом первого заседания Думы лишь подчеркивает безответственность власти.

Мы призываем партии, называющие себя оппозиционными, на первом же заседании Думы потребовать немедленного назначения новых выборов.

Было бы вполне логично, чтобы это требование поддержала и «Единая Россия». Если ее лидеры действительно верят, что они победили честно, то они должны быть заинтересованы в том, чтобы устранить все сомнения, связанные с итогами голосования. «Мемориал» приветствует прошедшие в Москве и других городах мирные массовые митинги — свидетельство пробуждения гражданской активности людей.

«Мемориал» поддерживает проведение митингов 17 декабря, за несколько дней до первого заседания Думы, и 24 декабря, когда будет уже понятно, слышат ли депутаты голос избирателя.

16 декабря 2011 г.

Правление Международного общества «Мемориал»

ГРАЖДАНСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

События декабря 2011 г., вероятно, откроют новую страницу в новейшей истории России. Впервые за почти 20 лет на улице вышел не узкий круг активистов, а народ.

Граждане вышли не с требованием денег и льгот, вообще вне связи с какими-то меркантильными интересами. Ими двигало оскорбленное чувство собственного достоинства, возмущение масштабными фальсификациями в ходе выборов в Государственную думу России.



В согласованной с мэрией заявке на митинг 5 декабря, на следующий день после выборов, предполагалось 300 участников — а собралось не меньше 7 тысяч, заполнивших Чистопрудный бульвар. Но 10 декабря на Болотную площадь вышли ужедесятки тысяч людей, потребовавших отставки Чурова, изменения избирательного и партийного законодательства, регистрации всех оппозиционных партий, новых честных выборов и освобождения всех политзаключенных. По оценкам организаторов, пришедших на митинг было более 80 тысяч, по оценке ГУВД, речь шла о 25 тысячах участников, корреспонденты сетевых изданий говорили о 30–35 тысячах человек. В любом случае, речь идет о самом масштабном митинге протеста с 90-х гг. Огромную роль в мобилизации общества сыграли социальные сети Facebook, vkontakte, twitter. Только на Facebook в группу участников митинга записались более 50 тыс. человек.

Сначала власть реагировала на выступления протеста привычно: массовыми репрессиями.

В понедельник было задержано около 300 участников мирного шествия к зданию ЦИК. Amnesty International объявила всех задержанных узниками совести. Около 60 человек были арестованы мировыми судьями на сроки от 3 до 15 суток. Конвейеры судебных заседа-

ний, на которые не допускали публику, где даже сумевшим прорваться к своим подопечным защитникам не удавалось добиться не только вызова свидетелей, но порой даже возможности ознакомиться с делом, превратились в настоящие фабрики беззакония. Принятые решения немедленно проштамповывались районными судами в апелляционной инстанции. Известным активистам (А.Навальному, И.Яшину, В.Чернозубу и др.) давали арест, неизвестным — как повезет. Впрочем, на второй-третий день судебного процесса кое-какая система наметилась. Судьи и полицейские прямо стали говорить задержанным ребятам: тем, кто защищается, пользуются услугами защитника, — сутки; тем, кто все признает, отказывается от защиты, — штраф.

Особняком стоит дело члена ПЦ «Мемориал» Игоря Гуковского, который был заявителем митинга на Чистых прудах. Он оказался виновным в том, что вызванное действиями властей возмущение привело вечером понедельника на бульвар тысячи людей. Но особенно нелепо (и было бы смешно, если бы не было грустно), что фактически за то же самое Игорь были назначены еще и 15 суток ареста — поскольку он не исполнил якобы неоднократно предъявлявшиеся ему «законные требования сотрудников по-

лиции» уменьшить число собравшихся до 300 человек.

Так было с теми, кто попал в жернова полицейского и судебного произвола 5 декабря. На следующий день на Триумфальной площади тысячи граждан вышли на несогласованную акцию протеста. Итог — более 600 задержанных. И это тоже рекорд, хотя и противоположного свойства. Такого числа «политических» задержаний всего за сутки не было в Москве с 1993 года. Однако тут уже власть проявила некоторое благоразумие. Из задержанных арестован не был ни один. Действия же полиции 10 декабря, во время самого массового митинга, получили заслуженную благодарность организаторов и участников. Задержанных в этот день (да и то вскоре отпущенных) было всего двое.

Хотелось бы надеяться на то, что власть изменила подход к мирным протестам, но верится в это пока не слишком. Велика угроза, что при дальнейшем росте протестного движения ряды административных политзаключенных могут пополниться опять. Но остановить рост самосознания общества полицейскими репрессиями, похоже, уже не удастся.

Сергей Давидис, Правозащитный центр «Мемориал»

Фото Веры Васильевой для <http://hro.org>

НЕТ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ ГРАЖДАНСКИХ АКТИВИСТОВ И ПРАВОЗАЩИТНИКОВ!

10 декабря Антидискриминационный центр «Мемориал» выпустил заявление, напомнив о том, что в этот день во всем мире отмечается День прав человека. «Организация Объединенных Наций определяет тему этого дня, под знаком которой проходит следующий год. В 2011 г. такой темой стала защита правозащитников, борющихся за искоренение дискриминации и привлечение внимания общества к их работе».

«В России в 2011 г. усиливались репрессии против всех проявлений недовольства, критики власти, оппозиционных настроений. 25 ноября, спустя несколько дней после вынесения приговора Алексею Беляцкому, в Санкт-Петербурге была организована акция солидарности в виде серии одиночных пикетов у консульства Республики Беларусь, участни-

Продолжение на с. 5 >

ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР ПО «АРХАНГЕЛЬСКОМУ ДЕЛУ»

8 декабря Октябрьский районный суд завершил рассмотрение уголовного дела историка Михаила Супруна и бывшего начальника Информационного центра ГУВД по Архангельской области Александра Дударева.

Суд признал виновным Супруна в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ, но освободил его от наказания в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Дудареву приговором суда назначено наказание в виде 1 года лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Напомним: предметом громкого уголовного дела стала подготовка Книги памяти по немецким переселенцам в Архангельскую область. Михаила Супруна обвинили в незаконном сборе и распространении сведений о частной жизни лиц, составляющих их личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 137 УК РФ), Александра Дударева — в превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). «30 октября» писала в № 104 о подробностях этого прецедентного дела.

Адвокат Михаила Супруна Иван Павлов так прокомментировал решение суда:

«Это дело появилось не для того, чтобы наказать Супруна или Дударева, а для того, чтобы напугать их коллег. Причем здесь власть убила двух зайцев. Она напугала историков, которые работают с архивами, и напугала архивистов, которые обязаны обеспечивать доступ к архивным делам репрессированных. И поэтому теперь историки боятся заходить в архивы, а архивисты боятся пускаться в архивы. Власть хотела это сделать, и она это сделала».

Вряд ли суд общей юрисдикции вообще может восстановить правовой статус-кво. Весь негатив уже случился, и даже оправдание Супруна вряд ли смогло бы эту ситуацию исправить. Мы, конечно, возражали против прекращения дела по истечению срока давности, поскольку это основание не является реабилитирующим. Хотели, чтобы суд вынес оправдательный приговор за отсутствием состава преступления или события преступления.

Но когда мы вынесем это дело на федеральный уровень, Конституционному суду предстоит рассмотреть вопрос правового характера: можно ли под предлогом личной или семейной тайны скрывать репрессии. Можно или нет? Согласно позиции обвинения, которая была поддержана судом, оказывается, можно.

Поэтому мы хотим, чтобы КС рассмотрел этот вопрос и дал наконец толкование. Ведь уже давно под предлогом личной и семейной тайны историкам отказывают в доступе к архивным документам. Причем когда историки спрашивают, а что это за семейная тайна, им вообще ничего не объясняют. И если КС возьмется за рассмотрение этого дела, ему придется дать толкование термина «личная и семейная тайна» и внести ясность, как это соотносится с данными о репрессиях.

Таким образом, благодаря делу Супруна и обращению в КС, возможно, удастся решить очень большую проблему с закрытостью ар-

Продолжение на с. 5 >

В НОМЕРЕ:

Акции протеста в городах России 2

Последний узник пятьдесят восьмой 3



Григорий Свирский о цензуре и антисемитизме 6



КАБИНЕТ-МУЗЕЙ АНДРЕЯ САХАРОВА

Напомним: Сахаровское движение — общее название для всех, кому важно наследие Андрея Сахарова, кто хочет знать об этом человеке и о его деятельности, помнить о нем или рассказать о нем другим.

Сахаровское движение собирало средства для создания мемориального кабинета-музея Андрея Сахарова в квартире, где работал и умер правозащитник. Инициаторы проекта считают, что в наши дни идеи, принципы и взгляды Андрея Сахарова вновь востребованы обществом, уставшим от лжи и двоемыслия.

Поэтому они хотят, чтобы в Москве появилось такое место, где наследие Андрея Сахарова стало бы доступно для всех и обрело новую жизнь. Это, по замыслу организаторов, будет современный интерактивный музей, что должно вызвать интерес у представителей разных поколений и тем самым объединить их.

Авторы идеи решили создать принципиально народный музей и не обращаться к государству и бизнесу за помощью. Для этого им необходимо собрать пожертвований как минимум 1,5 млн рублей.

По данным сайта Сахаровского движения <http://saharov-today.ru>, на 23 декабря вся необходимая сумма была собрана.

Сайт движения информирует, что начинаются работы по реставрации квартиры и созданию музея Андрея Сахарова: «Мы продолжим собирать средства для оснащения музея-квартиры. Необходимо закупить аппаратуру, собрать экспонаты, спроектировать экспозицию музея. Но мы уверены в успехе».

Сахаровское движение благодарно всем читателям «30 октября», которые пожертвовали деньгами на музей.

По информации сайта Сахаровского движения <http://saharov-today.ru>

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАДЫРОВА «ОКЛЕВЕТАЛ» СУДЬЮ

Хамовнический суд г. Москвы 5 декабря, после более чем месячного перерыва, возобновил рассмотрение апелляций главы Чечни и прокуратуры на оправдательный приговор руководителю Правозащитного центра «Мемориал» Олегу Орлову, обвиняемому в клевете на Рамзана Кадырова.

Напомним: уголовное дело о клевете было возбуждено против Орлова в связи с его высказываниями об ответственности Кадырова за убийство сотрудницы ПЦ «Мемориал» Натальи Эстемировой. 14 июня суд признал Олега Орлова невиновным.

Судья Андрей Лутов оглашал показания свидетелей, данные на следствии и в суде первой инстанции. Были озвучены показания главы аппарата Уполномоченного по правам человека в Чечне Умара Джумалиева, сотрудников ПЦ «Мемориал» пресс-секретаря Юлии Климовой и и системного администратора Игоря Орлова, правозащитника Александра Мнацаканяна, члена Совета ПЦ «Мемориал» Светланы Ганнушкиной. После чего, представитель Рамзана Кадырова Андрей Красненков неожиданно взял слово.

Он заявил, что показания Ганнушкиной в протоколе судебного заседания отражены не полностью. Например, опущены ее «оскорбительные замечания» в адрес главы Чеченской Республики, якобы имевшие место.

Красненков объяснил, что он не подал в установленный законом срок своих замечаний на протокол в связи с невозможностью с ним ознакомиться. Якобы судья Каринна Морозова, разбиравшая дело в первой инстанции, этой возможности ему не обеспечила.

Затем представитель Рамзана Кадырова обрушился на Морозову с еще более тяжкими обвинениями. Якобы судья приглашала его в совещательную комнату и там уверяла, что приговор Олегу Орлову будет обвинительным.

«Я вижу в этом утверждении признаки клеветы», — вступился за Каринну Морозову адвокат Генри Резник. Протест в связи с высказываниями Андрея Красненкова выразила и прокурор Татьяна Попова.

Намеченное на 23 декабря заседание не состоялось и было перенесено на 16 января по причине занятости адвоката Орлова Генри Резника. Впрочем, состоится ли заседание 16 января, также неизвестно, поскольку Резник не сможет быть на заседании суда, о чем он заранее предупредил суд.

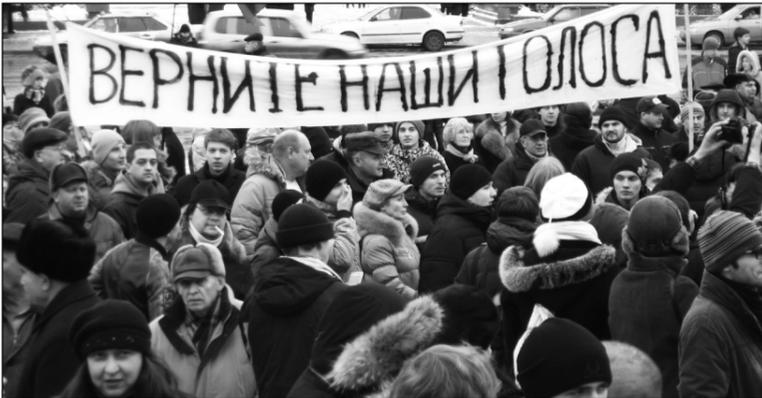
Снять с Олега Орлова обвинения в клевете призвала Генпрокуратура России группа международных и российских правозащитных организаций. «Власти не должны прибегать к закону о клевете с тем, чтобы оградить себя от чьего-либо искреннего мнения и законной критики. Не следовало выдвигать подобные обвинения изначально. Теперь же необходимо их немедленно снять раз и навсегда», — говорится в заявлении правозащитников от 6 декабря, опубликованном на сайте Amnesty International.

Между тем 7 декабря президент РФ подписал поправки в Уголовный кодекс России, согласно которым клевета более не является уголовным преступлением.

Вячеслав Ферапошкин, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

Подробную информацию о ходе процесса и расследовании убийства Натальи Эстемировой можно на «Кавказском узле»: <http://www.kavkaz-uzel.ru/category/estemirova>

ФАЛЬСИФИКАЦИИ НА ВЫБОРАХ РАЗБУДИЛИ СТРАНУ



Еще летом опросы «Левада-центра» показали, что подавляющее большинство граждан заранее не доверяют результатам выборов: 54% ожидали, что выборы будут «грязными», а 49% ожидали фальсификаций. О том, что такая ситуация вызывает недовольство людей, было тоже известно. И власти предпринимали различные отвлекающие маневры. По мере приближения даты голосования страсти накалялись.

В заявлении Международного общества «Мемориал» от 30 ноября 2011 г. обращалось внимание общественности на то, что «действующая власть озабочена вовсе не возможными искажениями воли избирателей в ходе голосования и подсчета голосов, а активностью тех, кто может эти искажения заметить и разоблачить. Причины такой односторонней озабоченности представляются очевидными».

Весь день 4 декабря «Кавказский Узел» вел твитт-наблюдение о ходе голосования в Сочи, Волгограде, Дербенте и Цхинвале <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/196978/>

После того как 5 декабря Центризбирком РФ огласил предварительные итоги прошедших 4 декабря выборов депутатов Госдумы России, практически во всех регионах страны начались массовые акции протеста. О многочисленных нарушениях, зафиксированных на выборах, заявляли наблюдатели и представители партий в различных регионах России.

5 декабря

Акция протеста прошла в Москве на Чистопрудном бульваре. Участвовавшие в акции блогеры утверждают, что митинг собрал до 10 тыс. человек, однако в полиции утверждают, что в согласованном властями массовом мероприятии приняли участие около 2 тыс. человек.

Попытка участников митинга пройти к зданию ЦИК была пресечена полицией. По данным правоохранительных органов, 5 декабря были задержаны 300 человек. В числе задержанных оказались юрист и известный блогер-тысячник Алексей Навальный, член бюро федерального политсовета объединенного демократического движения «Солидарность» Илья Яшин и другие участники митинга.

Международная правозащитная организация Amnesty International признала задержанных, которые мирно выразили свой протест, узниками совести и призвала власти освободить их.

В тот же день президент России Дмитрий Медведев заявил, что прошедшие выборы были честными, справедливыми и демократичными.

6 декабря

На акцию на Триумфальной площади в Москве вновь вышли оппозиционеры. Сообщения о готовящейся акции появились в Интернете. Участники митинга координировали свою деятельность через социальную сеть Facebook. Активисты требовали прекратить преследование участников митинга за честные выборы, прошедшего 5 декабря.

По информации ГУВД, митингующих было около 5 тыс. По данным правоохранителей, несколько групп людей из числа оппозиции предприняли попытку провести свои несанкционированные акции, в связи с чем было задержано 569 человек.

Вот как описывали в своих твитах очевидцы: «Задержанных перед посадкой в автобус бьют головой о стенку», — пишет Елена Костюченко. «Полиция хватает людей под крики пришедших активистов движения «Наши», — отмечает фотоблогер Илья Варламов, также задержанный 5 декабря, но отпущенный на свободу.

В Санкт-Петербурге у Гостиного двора тоже состоялся митинг протеста. Здесь собралось несколько

сотен человек и тоже были задержания. По данным главного управления МВД по северной столице и Ленинградской области, за участие в несанкционированном митинге и невыполнение законных требований сотрудников полиции были задержаны около 60 человек.

В Махачкале дагестанский республиканский комитет КППРФ провел митинг с требованиями привлечь к ответственности тех, кто, по мнению коммунистов, фальсифицировал выборы в Госдуму. В митинге приняли участие примерно 50–70 человек. Поддержать коммунистов в акции пришли представители партии «Яблоко».

В Ростове-на-Дону полицейские не допустили проведения несанкционированной акции протеста против фальсификации итогов выборов в Госдуму перед администрацией Ростовской области, где собрались около 300 молодых людей. Митинг начался, через некоторое время участники акции достали белые листки и подняли их над головой. Полицейскими были задержаны около десяти митингующих.

Союз журналистов России в заявлении, сделанном 7 декабря, осудил массовые задержания и избивания журналистов, выполняющих свои профессиональные обязанности во время проходящих в Москве акции протеста оппозиции, посчитав их «попыткой заткнуть общественный рот, запугать его, продемонстрировав силу и возможность открыто и безнаказанно нарушать закон».

7 декабря

В Москве на Триумфальной площади вновь прошел несанкционированный митинг несогласных с итогами выборов в Государственную думу РФ шестого созыва. Организаторы пикета, активисты «Другой России», «Левого фронта» и «Солидарности» планировали вывести на улицы как можно большее количество людей. Однако в итоге на митинг пришло гораздо меньше граждан, чем на акции 5 и 6 декабря.

Как сообщили сотрудники столичного главка МВД, в ходе несанкционированного мероприятия было задержано около 30 активистов. Оппозиция утверждает, что задержанных было 70.

9 декабря

Правозащитный центр «Мемориал» выступил с заявлением, где, в частности, говорится о том, что

5 и 6 декабря 2011 года во время акции протеста в Москве за два дня задержали почти 900 человек, в Санкт-Петербурге — более 400.

«Правозащитный центр «Мемориал», как и Amnesty International, считает лишением свободы участников мирного протеста узниками совести и требует прекращения полицейской и судебной расправы над ними. Прокуроры Москвы и Санкт-Петербурга должны немедленно внести протест на все принятые судами постановления об аресте участников мирных акций».

10 декабря

После акций протеста 5, 6 и 7 декабря в социальных сетях были созданы около ста сообществ, призывающих несогласных с результатами выборов в Госдуму выйти на митинги 10 декабря.

Большинство участников санкционированного митинга в Москве на Болотной площади считают, что акция протеста окажет большое влияние на развитие гражданского общества в России. Перед собравшимися выступили Дмитрий Орешкин, Борис Акунин, Борис Немцов, Геннадий Гудков, Григорий Явлинский, Леонид Парфенов, Олег Орлов, Ян Рачинский, Андрей Нечаев, Владимир Рыжков.

Участники акции на Болотной площади выдвинули пять требований властям: немедленное освобождение всех политзаключенных; отставка главы ЦИК Владимира Чурова и расследование его деятельности; отмена результатов прошедших парламентских выборов; назначение новых, честных выборов; расследование всех фактов фальсификации итогов выборов на каждом участке и изменение закона о регистрации политических партий, которое позволит зарегистрировать все оппозиционные партии.

По словам Уполномоченного по правам человека в РФ Владимира Лукина, митинг прошел организованно, в спокойной атмосфере. Другие участники митинга тоже заявили о хорошей подготовке акции и доброжелательном отношении полиции к митингующим.

В Астрахани митинг за отмену результатов выборов в Госдуму РФ прошел у здания облзбиркома, он продлился около получаса. Акция была санкционированной и прошла без задержаний. По данным МВД, в ней участвовали 100–150 человек.

Митинг «За честные выборы» на площади Павших борцов в Волгограде был согласован с мэрией и собрал более 2 тыс. человек. Выступая перед собравшимися, один из организаторов митинга напомнил о цели и мотивах всероссийской акции. Он заявил, что выборы можно назвать фальсифицированными, так как количество нарушений «было беспрецедентным». Власти, по его словам, проявили «высшую степень лицемерия».

В Краснодаре митинг несогласных с итогами выборов в Госдуму РФ состоялся по инициативе местных отделений партий КППРФ и «Яблоко». Ранее запланированное мероприятие началось по улице Красной не состоялось из-за того, что район проведения акции протеста был оцеплен полицией. Протестное мероприятие началось в 14 часов неподалеку от здания краевой администрации, на него пришли около 500 человек. Еще несколько сотен человек не пропустили сотрудники полиции.

В ходе акции протеста были задержаны блогер и независимый журналист Евгений Титов и собкор агентства «Федерал-Пресс» Андрей Кошик. Позже они были освобождены, но сотрудники правоохранительных органов стерли всю информацию с их фотоаппаратов и диктофонов.

В Махачкале прошла встреча единомышленников, объединен-

ных уверенностью в фальсификации результатов прошедших 4 декабря выборов, результатом которой стало задержание, по разным сведениям, от 6 до 12 ее участников, в том числе членов партии «Яблоко».

В Ростове-на-Дону прошли два митинга. Первый состоялся на Театральной площади в 11 часов, в нем приняли участие около 200 человек. Корреспондент «Кавказского узла» сообщил, что полиция запретила проводить митинг и использовать усилительную аппаратуру, однако депутат Госдумы Виктор Коломейцев заявил, что это не митинг, а встреча с депутатами. Вторая акция протеста в городе прошла вечером на площади Гагарина. По словам начальника ГУМВД по Ростовской области Антона Грачева, примерно 50 человек находились на площади и еще 50 наблюдали. Около 10 человек, задержанных на митинге, оказались единственными, кто попал в полицию, среди людей, вышедших на массовые акции в Южном федеральном округе.

В Сочи в протестном мероприятии приняли участие около 300 человек, у некоторых из них были белые ленточки на груди и наклеенные на рты повязки: перед акцией создатели проекта «Белая лента протеста» предлагали всем несогласным с итогами выборов повязать на руку, сумку, машину или окно квартиры белую ленту.

Член градостроительного совета Сочи Валерий Сучков заявил, что акция не является митингом, пикетом или шествием, поэтому на нее не требуется разрешение властей.

Однако в ходе акции сотрудники правоохранительных органов задержали директора организации «Защита прав и интересов граждан» правозащитника Сергея Басманова, как выяснилось позже, за неповиновение полиции 4 декабря на одном из УИКов в ходе выборов в Госдуму, а также за укрытие от следствия. Суд в тот же день арестовал Басманова на 5 суток. В знак несогласия с приговором правозащитник объявил голодовку.

Прошла акция и в Ставрополе, где около 30 жителей города собрались на Крепостной горе, чтобы, по их словам, провести собрание, связанное с итогами выборов. Акция в Ставрополе не была санкционирована местными властями. По словам председателя ставропольского регионального отделения партии «Яблоко» Виталия Зубенко, люди пришли «узнать, что к чему, чтобы впоследствии провести митинг за честные выборы». Задержаний в ходе акции не было.

Численность участников акции в Таганроге оценивается примерно в 200 человек, задержанных было около 20.

Житель Таганрога Анатолий Беседин утверждает, что на предполагаемых участников акции перед ней сотрудники полиции оказывали давление. По словам Беседина, сотрудники полиции приходили домой к активистам, иногда приглашали для «беседы» в полицию, студентам ТТИ ЮФУ заявляли, что в случае участия в митинге их могут ждать отчисление или сложность с трудоустройством после окончания вуза.

После массовых митингов президент России Дмитрий Медведев пообещал проверить все сообщения о нарушениях на выборах. Представители оппозиционных партий выразили разочарование его реакцией, считая ее недостаточно серьезной.

Светлана Бирюкова, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

На снимке: митинг в Волгограде

Фото Вячеслава Яценко, Волгоград

ПОСЛЕДНИЙ УЗНИК ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ

9 декабря в Москве прошел вечер памяти советского диссидента и публициста Анатолия Марченко, посвященный 25-летию со дня его смерти последнего политзаключенного СССР — Анатолий Тихонович умер 8 декабря 1986 года в Чистопольской тюрьме.

Вечер открылся «круглым столом» «Судьба Анатолия Марченко и начало освобождения политических заключенных в СССР». В нем приняли участие Арсений Рогинский, Александр Даниэль, Сергей Лукашевский, Людмила Алексеева, Александр Черкасов.

От наивного юноши — к зрелому политическому бойцу

Анатолий Марченко был замыкающим в многомиллионной шеренге жертв 58-й. Случайность ли, что именно ему выпал этот трагический и высокий жребий, или можно в его биографии, в его жизни, в его смерти разглядеть те знаки и предназначения, которые превращают биографию в судьбу? Эти знаки налагаются на человека тяжелым и жестоким образом, но никогда — вслепую.

Первый лагерный срок Анатолий Марченко получил в 1958 году. Его арестовали и осудили по обвинению в участии в межнациональной драке в рабочем общежитии. На самом деле он не участвовал в драке — это была судебная ошибка, которую исправили позже. Исправлена по-советски: дело не было пересмотрено судом. Просто указом Верховного Совета Анатолия Марченко в 1959 году освободили от дальнейшего отбывания наказания со снятием судимости.

Известие об освобождении Марченко встретил на свободе, поскольку он бежал из лагеря, так и не смирившись с несправедливым обвинением. Однако в архивах не сохранились записи о его побеге. Этот факт известен из рассказов самого Анатолия Тихоновича.

Как сложилась бы судьба Марченко, если бы он не бежал из лагеря и дождался бы известия о освобождении? Состоялась бы его судьба в том виде, в котором она состоялась, или он вернулся бы к обычной жизни? Это вопрос, и это загадка.

Двадцатиодолетний юноша оказался выброшенным в мир без документов, без работы, без постоянного места жительства. Это привело его к мысли, что в этой стране ему места нет и что надо бежать уже не из лагеря, а из страны.

В 1960 г. он пытался осуществить эту идею, но был пойман буквально в 50 метрах от границы. Так он попал в Мордовские лагеря. Именно эти лагеря сделали его тем, каким все его знали: закаленным политическим бойцом и высокообразованным человеком.

В лагере Анатолий Марченко интенсивно занимался самообразованием. Он прочитал всю русскую классику XIX века «от корки до корки» и цитировал по памяти писателей целыми страницами, прочел массу статей по политэкономии, классиков марксизма. Но самое главное: он столкнулся в Мордовии с настоящими политическими заключенными — не с теми, кто попал туда за «язык без костей», а с сознательными оппозиционерами.

Он вышел из лагеря в 1966 году совсем другим человеком. Та среда, которую позднее назвали диссидентской, только складывалась. Он окупился в эту среду вместе со своей идеей написать книгу о том, что видел в поли-

тических лагерях. Возможно, он осуществил бы эту идею в любом случае — многие писали книги на эту тему, будучи одиночками. Но Анатолий Марченко оказался в понимающей, сочувствующей и внимательной к нему среде. И это тоже не случайность.

Книга «Мои показания» — то открытие Мордовии, которое он совершил для московской интеллигенции, и не только интеллигенции, стала самиздатским бестселлером. Ее читали в машинописи сотни людей, и он получал от них отзывы: читатели реагировали на нее остро и сильно. Ведь в то время никто толком не знал о современных политлагерях. Люди знали, что политические лагеря есть, за политические высказывания сажают, а куда сажают — никто толком не понимал. Реального представления почти ни у кого не было. Марченко был тем человеком, который открыл для людей этот мир полностью.

«Им не нравится жить со мной в одной стране — пусть они и уезжают, а я здесь живу»

Еще один парадокс его судьбы: ему настойчиво, прямо или косвенно, предлагали эмигрировать. Первое такое предложение было в январе 1968 году, когда о том, что можно уехать из страны, никто и не слышал. «Мы в компании шли мимо метро «Белорусская». Там его повязали, отвели в «ментовку» поблизости, и там с ним беседовал некий чин КГБ, назвавшийся Медведевым, — вспоминает Александр Даниэль. — Он сказал ему: «Вам очень не нравится в нашей стране. Не хотели бы вы уехать в другую страну?» Невероятная фраза для января 1968 г., когда не было еще ни еврейской, никакой другой эмиграции. Толя всерьез не принял эти слова. Он вышел и со смехом пересказал нам ее. Он спросил тогда Медведева: «Это в какую другую страну, в Мордовию, что ли?» На том разговор и закончился».

Предложения об эмиграции поступали Марченко и позже, когда эта тропка была уже проложена представителями советской интеллигенции в 1974—1975 годах. Он отказался. Отказался категорически. Ему не был свойствен экзальтированный патриотизм. Конечно, он любил свою страну, любил свой язык, свою культуру, свой дом. Дом для него был вообще понятием совсем особенным. Но он отказался, сказав, что он не хочет играть в те лицемерные игры, которые ему предлагались для того, чтобы эта эмиграция стала реальностью. Он не хотел фальшивого израильского вызова, не хотел фиктивных израильских родственников. Он отвечал на все эти предложения одним способом: «Им не нравится жить со мной в одной стране — пусть они и уезжают, а я здесь живу».

Ирония судьбы состоит в том, что эти слова говорил человек, первая политическая статья которого — за неудачную попытку бежать из СССР.

Осенью 1986 г. Марченко объявил голодовку с требованием освободить всех политических заключенных СССР

«Когда мы с Ларисой Иосифовной (Богораз, женой Марченко. — *Ред.*) узнали о его требовании, мы струхнули, мы не решились его огласить, оно показалось нам невероятно экстремистским, — вспоминает Даниэль. — Толя не был ни без-

умцем, ни самоубийцей — смерть не входила в его расчеты. Просто он что-то понял лучше нас. Читая советские газеты, обладая умением читать между строк, он понял, что наступило время выдвинуть эти требования».

И в это самое время КГБ в лице Булата Каратаева (настоящая его фамилия — Иманбаев) заявляет Ларисе Богораз о готовности отпустить Марченко за границу, если она напишет такое заявление. Она сказала, что не может написать такого заявления без вedomо мужа. Свидания супругам так и не дали.

Умер Марченко. Горбачев позвонил Сахарову. Советский Союз рухнул

Анатолий Марченко умер 8 декабря 1986 году в Чистопольской тюрьме, а 15 декабря случился исторический звонок Горбачева Сахарову, который означал конец ссылки Андрея Дмитриевича в Горьком.

Спустя еще шесть недель в «Известиях» появилась заметка о том, что признано нецелесообразным дальнейшее заключение ряда государственных преступников и эти государственные преступники будут освобождены.

Как эти процессы были связаны между собой? Как смерть Марченко была связана с этими процессами? Был ли звонок Горбачева Сахарову следствием смерти Марченко? Сам Андрей Дмитриевич постоянно возвращался к этой теме. Повлияла ли эта смерть на освобождение политических заключенных — это тоже вопрос. Возможно, эта голодовка и эта смерть приблизили эти события? Так или иначе, спустя шесть недель после его смерти процесс освобождения политзаключенных начался — круг замкнулся. То, что Анатолий Тихонович был последней жертвой 58-й статьи — не случайность, а такой страшный, жестокий парадокс судьбы.

В 1990 году Арсений Рогинский вместе с Сергеем Ковалевым во время посещения в составе комиссии ВС РСФСР заключенных в Чистопольской тюрьме потребовали личное дело Марченко, в котором обнаружили два заявления Анатолия Тихоновича, связанных с голодовкой. Эти заявления, по словам Рогинского, «открыли глаза на многое». Первое заявление — о начале голодовки Марченко.

«4 ноября 1986 г. в Вене открывается встреча государств-участников Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе. Считаю себя политическим заключенным, с 4 августа я начинаю длительную голодовку протеста, которую, в случае применения в отношении меня принудительного искусственного кормления, намерен продолжать не только до дня открытия совещания в Вене, но и до его завершения. Своей голодовкой я протестую против судебных расправ, учиняемых советскими властями против инакомыслящих, и пыток над ними в местах заключения, нередко заканчивающихся физической ликвидацией их с использованием специалистов самой гуманной в мире профессии — врачей. Подобное обращение советских властей с инакомыслящими противоречит духу и букве Хельсинкского заключительного акта и других международных соглашений, подписанных и ратифицированных советским правительством, и дает мне право требовать (далее — подчеркнуто) освобождения всех политических заключенных в Советском Союзе.

Политзаключенный Марченко.
4 августа 1986 г.»



Второе заявление адресовано Генеральному прокурору СССР А.М.Рекункову и отправлено через два месяца после начала голодовки. «С 4 августа сего года я нахожусь в голодовке с требованием прекращения издевательств над политзаключенными в СССР и их освобождения. На сороковой день голодовки, 12 сентября, меня впервые накормили искусственно и с тех пор применяют искусственное питание ежедневно один раз в день, кроме воскресенья. В связи с фактом искусственного питания в той его форме, в которой этот гуманный сам по себе акт применяется лично ко мне администрацией колонии, я вынужден обратиться к Вам, гражданский генеральный прокурор СССР.

Я знаком с искусственным питанием по личному опыту в местах заключения еще с 50-х годов, когда голодающих эзков начинали кормить искусственно не на сороковой день голодовки, а на первой неделе. Так что мне есть с чем сравнивать мою сегодняшнюю голодовку, и это сравнение дает мне основание заявить Вам, что искусственное питание для меня сейчас не что иное как замаскированное под гуманный акт спасения жизни голодающего издевательство. И цель этих процедур одна: принудить меня такой коварной и недовольной формой физического воздействия прекратить голодовку. Вот фактическая сторона этого метода: питательная смесь готовится умышленно с крупными кусочками-комочками из пищевых продуктов, которые не проходят через шланг, а застревают в нем и, забивая его, не пропускают питательную смесь в желудок. И под видом прочистки шланга мне устраивают пытки, массажную и дергавую смесь, не вынимая его из моего желудка. Да через такой шланг, при желании, можно прогнать не только жидкую питательную смесь, а полтавские галушки или сибирские пельмени. Это и говорит о злонамеренности устраиваемой мне пытки под видом гуманного акта. Как правило, всю эту процедуру производит один медработник. Он поэтому не в состоянии при заливке смеси размешивать ее, так как у него уже заняты обе руки — одной он держит шланг, а другой заливают из миски смесь. При таком способе, он легко сливает жижу, а потом шланг забивается. И начинается прочистка шланга с массажем и дерганием не вынимая его из моего желудка. Но прочистить таким образом шланг не всегда удается, так что и часть питательной смеси часто выбрасывается в помой. Повторяю, что в данном

случае, под видом гуманного акта Советские власти в лице медчасти тюрьмы подвергают меня физическим пыткам с целью принудить меня прекратить голодовку. По многолетнему личному опыту, я знаю Вашу манеру реагировать на сигналы о произволе тюремщиков. Вы поручаете разбираться по существу тем же тюремщикам, например, начальнику управления. «Факты проверкой не подтвердились» — это стандартный ответ в таких случаях. Он, конечно, очень удобен для внутреннего потребления, но вряд ли он будет таковым, когда он будет представлен советским представителям на международных форумах международных организаций. А этого нашим советским властям в наши дни не избежать. Так что, гражданский генеральный прокурор СССР! Прекратите издевательство и пытки! Не используйте гуманный акт спасения жизни голодающего в качестве физического воздействия на голодающего с целью прекратить его голодовку. Свободу всем политзаключенным в СССР!

Политзаключенный Марченко.
3 октября 1986 г.»

Будут ли новые «политические»?

Появятся ли в России новые политзаключенные в связи с тем, что недовольных действующей властью становится все больше? «Политзаключенные уже есть, — говорит Людмила Алексеева, глава Московской Хельсинкской группы, правозащитница. — И надо добиваться их освобождения. Я не могу сказать — будет ли новая волна политических заключенных. Власть растеряна, и они сами еще не определились: будут ли они закручивать гайки или постараются подружиться с нами. Это выяснится в ближайшее время».

Сейчас, по мнению Людмилы Михайловны, переломный момент. «Власть надеется на то, что оппозиция «проволынит» до нового года, а потом, глядишь, все «сдуется», забудется. Думаю, что это не так. Даже если «сдуется», то к президентским выборам опять надуетесь».

Елена Хрусталева,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Лариса Богораз и Анатолий Марченко с сыном, 1978, Иркутск

Фото из личного архива А. Марченко, предоставлены архивом НИПЦ «Мемориал»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Российская политика с давних пор балансирует на грани анекдота. Мало что другое способно представить ее так точно и емко. В самом общем виде это можно объяснить тем, что претензии государства обьявлять собой все и вся неизбежно «лопаются», демонстрируя множество смешных и нелепых прорех. Если говорить о сегодняшней политике государства в области исторической памяти, она едва ли не вся выглядит как набор анекдотических ситуаций, потому что идеологических, смысловых, содержательных стыковок просто не осталось. На уровне лозунгов провозглашается идея возрождения «великой страны» и даже «великой империи», но реальность как-то мало напоминает величие. У самой власти нет видения будущего России, а потому и образ прошлого оказывается лоскутным и противоречивым.

2 декабря в рамках 13-й Международной ярмарки интеллектуальной литературы «Non/fiction», проходившей в Центральном доме художника в Москве, Общество «Мемориал» организовало дискуссию «Россия перед выборами: историческая политика между прошлым и будущим».

Дискуссия состояла из двух частей. В первой выступили сотрудники сайта «Уроки истории» <http://urokiistorii.ru>, ведущие ежедневный мониторинг событий в области исторической памяти, отраженных в российских СМИ, — Юлия Черникова, Сергей Бондаренко и Наталья Колягина. Во второй части их сообщения комментировали эксперты — политолог, редактор журнала «Pro et Contra» Мария Липман; социолог, руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады Борис Дубин; историк, заместитель главного редактора журнала «Вокруг света» Никита Соколов; историк, член правления Международного «Мемориала» Александр Даниэль и историк, научный редактор портала «Полит.ру» Борис Долгин. Дискуссию модерировали директор по развитию Международного «Мемориала» Дмитрий Кокорин и руководитель просветительских и молодежных программ Международного «Мемориала» Ирина Щербакова.

«Политика — это большое конкурентное поле, где разные силы предлагают свои интерпретации прошлого. Это противоречивые инициативы, исходящие как от государства, так и от партий, организаций, частных лиц. Эту среду мы и стремимся исследовать», — сказал Дмитрий Кокорин, представляя проект мониторинга, материалы которого с октября 2010 года публикуются на сайте «Уроки истории» в разделе «Историческая политика».

«Ленин на сыре»

Темой сообщения Юлии Черниковой стали мемориальные доски, появившиеся на территории России в 2010–2011 годах «Мемориальная доска — краткое выражение памяти о человеке — кто он и почему мы должны о нем помнить. Это помогает понять нашу собственную идентичность — а кто же такие мы?»

Самая распространенная категория лиц, увековеченных на досках, — герои войн, причем между ними существует своеобразная субординация: если доска героям Великой Отечественной войны размещается на фасадах домов, выходящих на центральные улицы, то доска героям афганской и чеченских войн попадают в более «скромные места», часто — на стены школ. Какую-то часть текстов на этих досках можно назвать пустыми, имитационными высказываниями о прошлом, например: «В этом доме жил ветеран Великой Отечественной войны (имя, отчество, фамилия). Честь. Верность. Долг».

Хотя факт политических репрессий давно всеми признан, мемориальные доски о них по-прежнему умалчивают. Так, на доске поэту Павлу Васильеву, расстрелянному в 1937 год по обвинению в подготовке покушения на Сталина, об этом нет ни слова. На знаке памяти репрессированному немцу в городе Энгельсе после долгих согласований слово «репрессированные» было смягчено и заменено на «депортированные».

Продолжается увековечение «выдающихся партийных деятелей», се-



кретарей обкомов КПСС, что становится поводом для публичных акций. Например, в мае этого года петербургские «яблочники» провели флеш-моб с чтением стихов И. Бродского у мемориальной доски первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Григорию Романову, в период «царствования» которого поэт был вынужден эмигрировать.

Необычный пример — мемориальная доска Владимиру Высоцкому в Дивногорске Смоленской области, где певец дал несколько концертов. На доске, выбранной народным голосованием, вообще нет подписи, но всеми узнаваемой фигуры достаточно, чтобы знак стал выражением любви и памяти об этом человеке.

Сообщение Сергея Бондаренко было посвящено памятникам Ленину в современном российском городском пейзаже. Они аккумулируют весь спектр отношений к прошлому: у одних вызывают раздражение как политический пережиток; для других это все еще живой символ, противостоящий сегодняшнему состоянию страны; третьи не обращают на него внимания, а четвертые, самые молодые, уже просто не понимают, кто это такой и зачем он тут стоит. Памятники Ильичу взрывают, разрисовывают звездами и свастиками, реставрируют и полируют в зависимости от отношения к его персоне. Но, наверное, самый неожиданный подход к местному монументу проявили жители Находки, раскрасившие ступени, на которых сидит вождь пролетариата, в желтый цвет с черными «дырочками» — получился Ленин на куске сыра. Сергей Бондаренко сравнил этот пример с акциями «глушителей массовой культуры», пародирующих и отстраняющих любые проявления пропаганды, рекламы и другой манипуляции общественным сознанием.

Наталья Колягина рассказала о том, как в сфере исторической памяти проявляют себя частные лица. Это чрезвычайно пестрая картина, охватывающая, с одной стороны, разнообразные инициативы, обращения, кампании по сбору подписей, с другой — акты вандализма, а с третьей, наоборот, — деятельность людей, взявших на себя ответственность за установку памятных знаков и монументов. Примером последней может быть проект строителя из Кубани Михаила Сердюкова «Аллея российской славы», цель которого — «возрождение

яне», которое было в ходу в ельцинские времена, полностью отвергнуто. Выступая публично, первые лица государства говорят: «дорогие друзья», «дорогие коллеги», «дорогие граждане России». Последнее — правильное понятие, но слишком длинное. Должно быть одно слово, это минимум, чтобы у нации было ощущение, что она такое.

«Откуда?» При советской власти было все понятно: старый режим долой, новый вперед; был отец-основатель, повсеместно размноженный в памятниках, и праздник 7 ноября. А теперь? 1917 год — нет, Ленина на официальном уровне тоже никто не пропагандирует. С чего начинается Российское го-

их «культурных героев» выдвигают в регионах. Не то, что отражено в монументальной пропаганде, а то, вокруг чего есть какая-то жизнь».

Тенденции

Обобщая личные наблюдения, Борис Дубин назвал три направления увековечения исторической памяти, отражающих национальные идентичности: французские памятники — «здесь убит такой-то», то есть памятники борьбе и борцам за свободу; немецкие — собственному прошлому, не только славному и положительному («Теперь мы знаем, кто мы такие, и теперь нам придется с этим жить», — писал Гюнтер Грасс); швейцарские — в Швейцарии не встретишь ни одного памятника в военной форме, только гражданским лицам, меценатам, писателям и т.д.

Что может стать основанием для новой российской идентичности? Пока было бы уместно поставить памятник в виде знака вопроса.

Подтверждая наблюдение Бориса Дубина, Никита Соколов привел цифры: по данным Парижского муниципалитета, в центральном округе французской столицы из 1060 мемориальных досок 45% посвящены событиям одной недели — августу 1944 года, освобождению города от фашистов.

Современный европейский тренд в сфере исторической памяти, отметил Никита Соколов, — это выработка общей памяти в смысле совести. У нас из двух самых активных трендов один прямо противоположен, другой — уводит в сторону. Первый пропагандирует идеи сильной власти и великодержавия, второй изображает отечественную историю как сочащуюся медом и елеем. Пример второго тренда — серия книг Владимира Мединского «Мифы о России», в которых любой критический, проблематизирующий взгляд на наше прошлое отвергается как навязанный извне «миф», а вся история страны превращена в благостный рекламный ролик.

Говоря о незначительном федеральном вкладе в увековечение памяти жертв политического террора, надо иметь в виду, что региональных, муниципальных и частных инициатив в этом направлении очень много, отметил Александр Даниэль. Но тенденцией последней времени стала экспансия Русской православной церкви на эту территорию, поэтому можно предсказать, что в будущем нас ждут сплюснутые кресты, часовни и храмы на местах памяти. (Эти слова вызвали немедленную реакцию из зала, что РПЦ — не посторонний субъект на этой территории и что тема террора для русского православия никак не случайна.)

Важно задать вопросы самим себе, продолжил Александр Даниэль: а чего мы хотим, обсуждая поднятую тему, — общественного консенсуса или дискуссии? И какой дискуссии — ведущей к консенсусу или вечной? Да, вынужденной федеральной памяти нет, но так ли мы хотим, чтобы она была — сформулированная и претворяемая этой властью? Мы живем в эпоху эклектики, но эклектика — это и некоторое пространство свободы.

Борис Долгин высказал ряд соображений о методологии мониторинга и призвал молодых историков задумываться о том, как правильно квалифицировать субъектов, выступающих с частными инициативами в сфере исторической памяти. В одних случаях это не совсем частные лица, а люди, фактически состоящие на государственной службе, в других — люди, использующие историю для совсем других целей.

Николай Гладких

На снимке: Наталья Колягина, Сергей Бондаренко, Дмитрий Кокорин, Юлия Черникова
Фото Анны Брагиной

В ГРУЗИИ ОТКРЫТ МЕМОРИАЛ ЖЕРТВАМ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

В пантеоне на горе Мтацминда недавно появился новый обелиск, на котором высечено 8 фамилий. Однако ни одной могилы под обелиском нет — те люди, которые должны были здесь покоиться, сгинули в лагерях и тюрьмах в 1937 г. Поэт Тициан Табидзе, писатель Михеил Джавахишвили, дирижер Евгений Микеладзе, режиссер Александр Ахметели, профессор филологии Вахтанг Котатешвили, театральный художник Петре Оцхели и художник Дмитрий Шеварднадзе были арестованы и расстреляны в 1937 г. Никто до сих пор не знает, где находятся их могилы.

«За отцом пришли 14 августа. Он на пару дней приехал из Тбилиси в деревню, где мы проводили лето. У него болели колени, он хотел их подлечить. Через день он должен был вернуться домой. Сам арест я помню смутно — мне было тогда восемь лет. Но после той ночи мы его не видели», — рассказывает Русудан, дочь писателя Михеила Джавахишвили.

Классик грузинской литературы был обвинен в том, что он якобы работал на разведки 11 иностранных государств.

«Это же абсурд! Отец был настолько частью народа, что никогда не совершил бы ничего во вред ему! Но для советского руководства отец был и в самом деле чужим — он открыто критиковал то, что видел вокруг себя. И конечно, на него доносили в ЧК», — рассказывает Русудан Джавахишвили.

ложили им выбрать список имен тех репрессированных ученых и деятелей искусств, кого следовало бы похоронить в пантеоне на Мтацминда. После того как имена выбрали, мы объявили конкурс на мемориал среди грузинских художников».

25 конкурсных работ были представлены в выставочной галерее «Карвасла» («Караван-сарай»), среди которых оценочная комиссия выбрала работу молодого архитектора Николоза Майсурадзе. «Нам понравился этот проект, потому что, во-первых, он вписывался в то место, которое мы отвели в пантеоне. Во-вторых, он вызывает те эмоции, которые мы ожидали, — и скорбь, и протест против несправедливости. Ну, и в-третьих, в нем трагедия передана через символы, которые легко читаются», — говорит Яамзе Гватуа.

сталинских репрессий не вызвали эмоционального отклика у населения:

«До сих пор эта страница истории Грузии не изучена. Отчасти это произошло из-за того, что в 90-е годы мы столкнулись с такими проблемами, как гражданская война, экономический коллапс грузинского государства, криминальный беспредел, и в то время было не до изучения архивов. А в настоящее время исследование сталинских репрессий в Грузии целенаправленно проводят только наша Лаборатория и государственный университет Ильи. Поэтому общество и не помнит этот период», — говорит Лаша Бакрадзе.

Руководитель департамента в Министерстве культуры Яамзе Гватуа не согласна с тем, что в Грузии нет памяти о репрессиях:



Помимо восьми человек, имена которых высечены на Мтацминде, в Грузии от репрессий пострадали тысячи и тысячи не столь заметных людей. Однако до сих пор им не было поставлено ни одного памятника в Грузии. Только в 90-х годах скульптор Сосо Парулава подготовил проект памятника жертвам репрессий. Памятник предполагалось установить в центре города, в парке имени Мари Броссе на набережной Куры. Но финансирование работ так и не было осуществлено в полной мере.

«Честно говоря, я даже рада, что тогда памятник не установили, — говорит Русудан Джавахишвили. — Тогда в Грузии много памятников попросту воровали, потому что они были сделаны из меди, которую продавали как металлический лом. Из парка, где предполагалось установить памятник жертвам репрессий, кто-то украл медный бюст лингвиста и кавказоведа Мари Броссе. Так что я боялась, что и новый памятник постигнет та же участь».

Только в 2009 г. Министерство культуры и мэрия Тбилиси провели конкурс на первый мемориал в память погибших. Как рассказывает руководитель департамента искусств Министерства культуры Яамзе Гватуа, установить памятник было решено по просьбе родственников репрессированных.

«И они были правы, потому что до сих пор нет ни могилы, ни мемориала, куда эти люди могли бы прийти, чтобы почтить память своих предков. А для грузина это очень тяжело... Поэтому мы пред-

внук профессора Котатешвили Гуга Котатишвили, присутствовавший на открытии, сдержан в оценке:

«Неплохой памятник. Скромный и сдержанный. Если учитывать, что большинство памятников, которые устанавливаются сегодня, безвкусные и несуразные, этот мемориал смотрится очень неплохо».

«К сожалению, я не смогла прийти к мемориалу — я уже давно не выхожу из дома-музея моего отца, потому что и ноги болеть, и возраст. Знаете, мне уже 83 года, — сетует Русудан Джавахишвили, — так что мемориал я видела только на небольшой фотографии, которую мне прислали из мэрии».

«Этот мемориал — не только нашим родственникам, но и всем тем, кто погиб или пострадал от сталинских репрессий в Грузии», — говорит Гуга Котатешвили. Однако, как говорит внук профессора Вахтанга Котатешвили, установка мемориала не вызвала никакого отклика со стороны общественности:

«Дело ограничилось только сообщениями в информационных агентствах о том, что открыт памятник. Никакого мемориального вечера, никаких мероприятий, чтобы люди вспомнили о жертвах сталинизма, у нас не было», — говорит Гуга Котатешвили.

Директор музея грузинской литературы и руководитель общественной организации «Лаборатория по изучению советского прошлого» Лаша Бакрадзе отнюдь не был удивлен тем, что в Грузии открытие первого мемориала жертвам

АЛЕСЬ БЕЛЯЦКИЙ: «НЕ БОЙТЕСЬ!»

По информации Международной федерации за права человека (FIDH), проводящей постоянную акцию «Свободу Алесю Беляцкому!», кассационная жалоба на приговор суда правозащитнику Алесю Беляцкому 29 ноября была направлена адвокатом Беляцкого Дмитрием Лавевским в Минский городской суд.

Деньги в любом размере могут быть перечислены на счет, открытый на имя жены Алеся Беляцкого: Филиал № 529 «Белсвязь» ОАО «АСБ Беларусбанк», код банка 720, отделение 112, номер банковского вклада 01053568 (до востребования), вид платежа — пожертвование (или добровольный платеж). Получатель платежа — Пинчук Наталья Сергеевна. Деньги могут перечислять только граждане Республики Беларусь.

Алесь Беляцкий, которого осудили на четыре с половиной года колонии усиленного режима, 1 декабря перевели в Жодинскую тюрьму, известную жестким режимом и плохими условиями содержания. О переводе случайно узнала жена правозащитника Наталья.

В Беларуси начался сбор средств для Алеся Беляцкого. В Обращении представителей гражданского общества по этому поводу говорится: «Мы призываем белорусское общество проявить солидарность с Алесем Беляцким и Правозащитным центром «Вясна». В связи с этим с целью скорейшего освобождения Алеся Беляцкого или как минимум изменения меры пресечения или смягчения чрезвычайно жесткого приговора мы начинаем кампанию по сбору средств, которые были вменены Алесю Беляцкому к выплате в качестве «ущерба, причиненного преступлением». В обращении подчеркивается, что сбор средств — это ни в коем случае не признание вины Алеся.

После судебного процесса Алесь вернулся к своим обычным занятиям — английскому языку, чтению и ответам на письма. Как сообщает FIDH, Алесь уверен, что та грязь, которую вылили на него официальные СМИ, уплыла и не запачкала его, а вот мощная поддержка различных знакомых и незнакомых людей сильно помогла: «Такое ощущение, что этот суд был нужен, чтобы проверить и проверить — то ли мы делали все эти 15 лет. А к 10 декабря мне для всех хочется повторить, для всех: «Не бойтесь!» Это то, что сказал в 80-е Папа Иоанн Павел II, когда приехал в коммунистическую Польшу. Больше он ничего тогда не сказал, но и этого хватило».

Написать письмо Алесю Беляцкому можно по адресу:

222160 Минская обл., г. Жодино, ул. Советская, 22А, тюрьма № 8, Беляцкому А.В.

Новости от Алеся Беляцкого и подробности акций поддержки — на сайте <http://spring96.org/> и <http://freeales.fidh.net/>

НЕТ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМ ГРАЖДАНСКИХ АКТИВИСТОВ И ПРАВОЗАЩИТНИКОВ!

➤ Окончание. Начало на с. 1

ки которой — правозащитники — были незаконно задержаны.

2011 г. подошел к концу, снова декабрь, День прав человека, выборы в России. Мирные протестные акции в Санкт-Петербурге, Москве и других городах жестко подавляются. Как ни печально, ситуация в России складывается по белорусскому сценарию: репрессиям подвергаются не только представители оппозиции, активисты общественных движений. <...> Например, в Санкт-Петербурге была задержана сотрудница организации «Солдатские матери» Елена Попова; активист и сотрудник АДЦ «Мемориал» Филипп Костенко был необоснованно и несоразмерно осужден на максимально возможный срок — 15 суток ареста — и объявил голодовку, требуя освобождения всех задержанных.

В День прав человека уместно напомнить, что преследование правозащитников — уголовное или политическое — за их профессиональную деятельность недопустимо».

В интервью «Радиостанции «Эхо Петербурга» <http://www.echomsk.spb.ru> Филипп говорит, что он не прекратит голодовку и что у него силы

есть, чтобы продолжать борьбу. «Требования — это освобождение всех политзаключенных, задержанных во время акций против фальсифицированных выборов. Мой адвокат подал жалобу в Европейский суд по правам человека, и теперь жалоба будет рассматриваться в ЕСПЧ».

Что же касается реакции со стороны властей, то в общем эти истеричные задержания и аресты людей на сутки — это уже в определенной мере реакция на общую позицию общества, которое начало просыпаться».

Несмотря на активную поддержку Филиппа, 22 декабря судья 153-го участка Е.К.Ермолина назначила активисту и сотруднику правозащитной организации АДЦ «Мемориал» Филиппу Костенко еще 15 суток административного ареста. После вынесения очередного судебного решения Филипп закончил свою 16-дневную голодовку, поскольку все задержанные в ходе акции после выборов в Санкт-Петербурге, кроме Филиппа, уже вышли на свободу.

Полный текст заявления и материала о Филиппе Костенко — на сайте АДЦ «Мемориал» <http://memorial.spb.ru>

ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР ПО «АРХАНГЕЛЬСКОМУ ДЕЛУ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

живных документов по репрессированным под предлогом личной и семейной тайны. И мы этого момента с нетерпением ждем».

По словам исполнительного директора Фонда исследований диктатуры СЕПГ Анны Камински <http://hgo.org/node/12743>, «это решение касается не только двух ученых, но и в целом критического осмысления сталинизма в бывшем Советском Союзе».

Только при наличии четких правовых норм историческая проработка сталинизма в России может быть успешной, полагает Анна Камински.

О том, что история с судом над Супруном и Дударевым носит показательный характер и

причины ее возникновения не в самих обвиняемых, а гораздо глубже, высказывается на сайте «Грани.ру» Борис Соколов. <http://grani.ru/opinion/sokolov/m.193824.html>

Причины же, по мнению Соколова, в стремлении цензурировать нашу историю, «не допустить дальнейшей публикации документов, которые в неприглядном свете рисуют советское прошлое, и в частности советские репрессивные органы. Недаром инициатором уголовного преследования выступила ФСБ. Если приговор останется в силе, будут весьма ограничены возможности объективного изучения нашего недавнего прошлого. А это повышает риск того, что оно может повториться».

Беслан Кмузов, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября», Тбилиси

Фото автора

ИСТОРИЯ ДИССИДЕНТСТВА

20 декабря 1966 года

Первые выступления были направлены против неприкрытого шовинизма и антисемитизма в писательской среде.

Из выступления на партийном собрании московских писателей.

Как же мы должны быть бдительны, когда враждебная идеология, идеология шовинизма и национализма, оживает и здесь — не за китайской стеной. А среди нас. И более того, находит своих защитников.

Прочту всего-навсего полторы странички из моего выступления на бюро МГК; все приведенные в нем факты подтверждены свидетельскими показаниями, имеющимися в деле парткомиссии!

«В.Смирнов (главный редактор журнала «Дружба народов». — *Ред.*) был так убежден в своей безнаказанности, что не считал нужным маскироваться. Когда молодого очеркиста-коммуниста Ю.Полухина не приняли в Союз писателей, Смирнов сказал: «Это потому, что в приемной комиссии засели одни жида».

Беседуя с сотрудниками редакции, Смирнов даже донского казака Александра Исаевича Солженицына перекрестил в Абрама Исаовича Солженицына. В этом, сказал Смирнов, все дело. Не Солженицын он, а Солженицер...

Когда же русская советская поэтесса Юнна Мориц, еврейка по паспорту, написала отличные стихи о Пушкине, Смирнов сказал ей: «Почему вы пишете о Пушкине? Пушкин — наш писатель. Пушкин — наш писатель».

Свидетели — сотрудники «Дружбы народов» — приводят имена писателей: Ильи Зверева, Марка Поповского и других, отстраненных от сотрудничества в журнале только потому, что они евреи. «Это не наши авторы, — неизменно заявлял Смирнов и добавлял озабоченно: — Прикрылись псевдонимами... Вы про отчетство спрашивайте. Отчество выдает...»

Смирнов отнюдь не был одинок в шовинистических выпадах против народов нашей страны. «Вся проза грузин — не советская», — говорил Смирнов. Об эстонцах, латышах и литовцах отзывался еще категоричнее: «Все они не советские».

Официальными стенограммами зафиксировано: «Председатель Союза писателей Казахстана Габит Мусрепов заявил на Секретариате Союза писателей СССР, что «замечания Смирнова унизили для национальной литературы». И ничто иное, именно глубокая аморальность Смирнова привела к тому, что заявления о выходе из редколлегии «Дружбы народов» подали и русский поэт Алексей Сурков, и народный поэт Литвы лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис, и крупнейший белорусский писатель Янка Брыль.

...Но самое поразительное, что подобную позицию занял и один из членов Союза писателей — Николаев, парторг «Дружбы народов», делавший вид на всех заседаниях, что никаких фактов о Смирнове попросту не существует. И возражавший на все одной и той же, с небольшими вариациями, фразой: «Смирнский мутит воду».

Вы хорошо поймете, товарищи, политический и нравственный уровень «разбирательства» из реплик и вопросов членов парткомиссии.

«Вы говорите, — русский писатель, а по паспорту еврей!» — воскликнула одна из членов парткомиссии. Как это может быть, что б русский писатель и — еврей...

Другой член парткомиссии воскликнул сердито: «О каком антисемитизме у вас может идти речь, когда в Союзе писателей, наверное, 75% евреев».

Я ХОЧУ
БЫТЬ РАВНЫМ

Григорий Цезаревич Смирский — фронтовик, писатель, исследователь советской литературы. Он начал печататься еще студентом Литинститута, а вернувшись с войны, был принят в Союз писателей. Однако литературной карьере Григория Смирского воспрепятствовали его смелые и темпераментные выступления второй половины 1960-х о сталинизме и национализме. «30 октября» публикует выдержки из двух выступлений и письма Григория Смирского, разошедшихся в Самиздате и имевших огромный общественный резонанс. В 1972 году писатель был вынужден уехать в Израиль, впоследствии переехал в Канаду. 29 сентября Григорию Цезаревичу исполнилось 90 лет.

16 января 1968 года

Темой другого выступления было разоблачение попыток возрождения культа Сталина. За «демагогическое, политически вредное выступление» Смирский был исключен из КПСС, а набор его романа «Линия фронта на карте не обозначена» был расыпан.

С жестокостью и слепотой паводка она (цензура) затопила всю социальную литературу. Союз писателей попытался спасти хоть бы несколько книг крупных художников — Солженицына, Бека и других. Какое! Мнение писательского коллектива ныне ничего не значит. Фигурально выражаясь, Союз писателей ушел под воду, как град Китеж. Только маковки пробиваются из-под цензурной глади...

«...» Но может быть, все это не так? Может быть, контрольные инстанции имеют право на то, что творят? Давайте разберемся в этом спокойно, на основании фактов. Спокойно и вдумчиво.

В Ленинграде пьесе «Дион» запретили. В Москве — разрешили. Фильм «Перед судом истории» разрешили и в Москве, и в Ленинграде, но запретили в Горьком и некоторых других городах. В одном из московских журналов имя Солженицына запретили упоминать даже в статье о советской литературе за рубежом. В издательстве, которое на соседней улице, — разрешили.

Из книг писателя В.Померанцева в течение последних десяти лет изымаются лучшие его рассказы. Об одном из них, к примеру, было сказано в официальном заключении, что он «дискредитирует» советскую прокуратуру... Спустя несколько месяцев рассказ появился в официозе Прокуратуры СССР — журнале «Социалистическая законность».

«...» Годами не печатается Солженицын — это известно. Не печатаются произведения Аксеновой-Гинзбург и других коммунистов, вернувшихся из бериевских застенков и обратившихся к перестройке.

«...» А что выбрасывается из книг, которые все же выходили, из наших с вами книг? Каленым железом выжигается все, что направлено на устранение пагубных последствий культа личности: порой даже простое упоминание о том, что некогда существовал культ личности...

«...» И вдруг выясняется, что отнюдь не все запрещают, не всем писателям советуют «погодить». Напротив, немало прозы и стихов, имеющих прямое отношение к культу личности Сталина, не только не запрещается, но, наоборот, печатается огромным тиражом. Выдвигается на первую линию огня. К примеру, разрешен роман Закруткина «Сотворение огня», книга 2-я.

«Ты Сталина не тронь, — с угрозой в голосе говорит противнику Сталина положительный герой, высказывания которого В.Закруткин не корректирует. — Мы знаем, почему Сталин встал вам поперек горла... Потому что он отстаивает идеи Ленина и

пресекает любую попытку изменить Ленину... Именно поэтому вы и боитесь Сталина, как огня». Ведь напечатано не в тридцатые годы, а сейчас, в 1967 году!..

«...» А С.Смирнов (поэт. — *Ред.*) в юбилейной поэме твердит наперекор партии: «я и сам еще не знаю объективной истины о нем»... Поразительно. Но именно эти строки вызвали особую похвалу газеты «Литературная Россия», которая устами писателя Михаила Алексея заявила: «Не скажи этого последнего, поэт не исполнил бы долга, добровольно возложенного на себя». ...А вдумайтесь-ка, товарищи, в эти позорные рабские строки:

И тогда, возвышенный над
каждым,
Он ушел от нас не одинок.
Сотни душ растоптанных
сограждан
Траурный составили венок.

Что это такое? Сталин унес в могилу миллионы коммунистов, а народ — по С.Смирнову — с восторженным чувством даже венок ему сплел из убитых, растоптанных душ...

А что же газета «Литературная Россия» и ее автор — писатель Михаил Алексеев? Протестует против кошунства? Ну хотя бы против этого — бесчеловечного кроваво-средневекового возмездия Сталина? Ничуть не бывало. «По сложившейся традиции, — пишет М.Алексеев, — мне бы полагалось отметить и недостатки работы С.Смирнова... Я же нахожусь по сию пору под сильным впечатлением от прочитанного и пока что, кроме слов благодарности, ничего не имею сказать Сергею Смирнову за его замечательный труд».

«...» Надо сказать прямо. Да, в Союзе писателей две группы. Их разделяют не жанры, не возраст, не литературные пристрастия. Водоразделом между ними является XX съезд партии.

«...» Искоренение дискуссионных книг — симптом особо опасный. Это значит — не нужны мыслящие люди. Мыслящий в условиях произвола — это, в потенции, инакомыслящий.

1 ноября 1971 года

Смирский передал в Секретариат Московской организации Союза писателей письмо «Почему?», в котором изложил причины, вынуждающие его к эмиграции из СССР.

Я подаю заявление о выезде на постоянное жительство в Израиль. Возможно, более не нужно никаких объяснений: на моей стороне закон, Закон о воссоединении семей.

Но в России остаются мои друзья, которые вправе услышать не только о родственниках в Израиле.

«...» Приведу, прежде всего, главное и неоспоримое свидетельство, понятное всем, но наиболее близкое тем, для кого язык — профессия.

Языковые новшества, неологизмы, утвердившиеся в речевой стихии, как известно, документируют явление точнее и бес-



спорнее любых документов. Язык — это, пожалуй, единственный исторический документ, который еще никому не удавалось подделывать. Даже самым искусным мастерам.

В русском языке широко распространено непонятное, на первый взгляд, словосочетание: «пятый пункт». Казалось бы, ничего особенного сей канцеляризм не означает; пятый пункт издавно существующей анкеты — это национальность. Но кому неизвестно, когда о ком-нибудь говорят: «Он с пятым пунктом» или «у него пятый пункт», никто не переспрашивает, о чем речь. Ни русские, ни украинцы, ни армяне. Все в курсе дела.

«...» Первой не вынесла многолетней травли моя жена, единственный, в последнее время, кормилец семьи; измученная интенсивностью преследований, безденежья, нехватками самого необходимого, она тяжело заболела.

Появилась горечь и в глазах шестнадцатилетнего сына: на его глазах расправлялись с отцом.

«...» Я — бывший солдат России, четыре года не выходящий из боя; в свой блокнот сорок первого года, где отмечал боевые вылеты моего старенького «С.Б.», я вписывал строки погибшего поэта Павла Когана, ощущая их как свои: «...Я воздух русский, я землю русскую люблю!»

В те дни моим родным выстрелили в затылок, потому что они — евреи. Парубки из «Вильной Украины» привели полицаев к хате, где прятался четырнадцатилетний Фима, брат моей жены. И мальчонку сбросили в Ингулецкий карьер — вслед за его отцом и матерью, делом и бабушкой. Парубки из «Вильной Украины» бежали за фурой, увозившей Фиму и родителей жены на смерть, и кричали: «У них еще дочка есть в Москве! Комсомолочка!» Теперь Фимой зовут моего сына...

«...» После первого «разбирательства» (в Союзе писателей. — *Ред.*), помню, я бросился за город, в лес, подальше от людей, и пьяный в электричке вдруг сорвал досаду на мне:

— Расселся, как у себя в Израиле! Недорезал вас Гитлер!

Я уже шесть раз водил таких, как он, в милицию, и шесть раз дежурные офицеры спрашивали меня: «Как запишем?.. Антисемитизм?! Ну, этого у нас нет! Давайте запишем: «дебосирил» или «приставал». Это для суда — верное дело...»

«...» Я — коренной россиянин, считал я... Достаточно. У каждого человека есть своя «лимит» терпения. У меня он иссяк. Только что, 29 сентября 1971 года, мне исполнилось пятьдесят. Пора перестать жить с ощущением мальчика в автобусной давке. Нос у мальчика на уровне локтей. Кто ни двинет локтем, нос у мальчика в крови...

Я не хочу быть ни самым высоким среди равных, ни самым низким среди равных.

Я хочу быть равным.

«...» Но, в таком случае, надо быть последовательным...

— Убирайся в свой Израиль! — кричали и кричат мне пьянчуги.

— Убирайся в свой Израиль! — видел я в глазах людей, восклицавших: «Как это может быть, чтобы русский писатель и — еврей!»

«Убирайся в свой Израиль!» — как эхо, слышалось мне в кабинетах вежливых Главных редакторов, которые семь лет подряд не могли, как они выражались, «стоять» моих книг, сценария, статей, рассказов. «Убирайся в свой Израиль!» — слышится мне порой в их уважительно-печальном: до свиданья.

«Убирайся»?! Спасибо, дорогие, я — готов!

Но почему же тогда задерживали, прятали вызов, необходимый для отъезда?

«...» У классика еврейской литературы Шолом-Алейхема есть строки о собаке, зажатой дверью. Собаку пинают сапогом, бьют палкой, улюлюкают, чтобы она пулей вылетела за дверь. И... одновременно притискивают дверью, чтобы не могла уйти от побоев. Чем сильнее пинки, тем сильнее прижимают дверью ее изувеченное тело.

Шолом-Алейхем сравнивал собаку, зажатую дверью, с евреями России. В юности сравнение не казалось мне точным: в его время каждый желавший уехать мог выправить себе паспорт. В ближайшем полицейском участке. Что имел в виду писатель под давящей дверью? Нищету? Черту оседлости?

Классик провидел будущее!

Несчастной собаке, не пришедшей ко двору, поддают сапогом. А другие, из соседнего ведомства, наваливаются на дверь посильнее. Чтоб не выскочила. Чтоб бить и улюлюкать. Улюлюкать и бить. Под ребра. В кровь. И давить, давить железной дверью.

Какой высокой гуманизм!

«...» Я — еврей. И, решив это для себя — окончательно и бесповоротно, — я хочу, я имею право жить так, как живет каждый из вас, русских, украинцев и т.д. — без «пятого пункта». Среди своего национального большинства.

Это мое законное, освещенное советской Конституцией право, противодействовать которому может только расизм.

10 ноября того же года он был исключен из Союза писателей. В январе 1972 года председатель КГБ Ю.Андропов в докладной записке в ЦК КПСС предложил не препятствовать выезде Смирского из СССР «ввиду его вредного влияния на свое окружение из числа интеллигенции и молодежи».

По материалам архива истории
диссидентского движения
в СССР,
НИИЦ «Мемориал»

Фото из личного архива Г.Смирского,
из книги «На лобном месте»,
М., КРУК, 1998.

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ



Долгая жизнь Григория Макаровича Штомпеля схожа с судьбой его поколения. Молодость пришлось на страшное время, которое выкорчевало его из родных мест, по ходу наскоро отбирая родных, перекидывало в товарных вагонах в другие широты, заставляло голодать и замерзать на лесоповале. Но время не озлобило его и не отняло способности любить и хотеть стать кем-то в этой жизни.

Это простая история, и поэтому она — настоящее свидетельство истории: «Я решил описать жизнь семьи отца и свою. Это я делаю и пишу для своих детей, внуков, правнуков и праправнуков. Все описанное мной в дальнейшем — без прикрас и так, как оно было, и так, как я его помню. Конечно, это в основном грустный, трагический рассказ о семье по фамилии Штомпель».

Я родился 26 ноября 1912 года на Кавказе, в кубанской станции Старовеличковской, в семье кубанского казака Макара Титовича Штомпеля.

Все — прадедушка, дедушка и отец любили землю и занимались хлебопашеством. Было крепкое хозяйство, жили сами и помогали родне. В 1929 году наша семья состояла из одиннадцати человек: отец, мама, бабушка (мама отца), нас 5 братьев и 3 сестры.

Детство

До школы я зря не сидел, помогал бабушке убирать и сушить фрукты из своего сада в степи в 10 км от станицы, помогал отцу и маме в бахчеводстве, ухаживал за пчелами. На лето отец всю пасеку увозил в степь. Пасека у нас была большая — 20 ульев.

Во время уборки трав и хлебных посевов и обмолота я во всем помогал отцу. Пшеницу обмолачивали на току при помощи катков, которые тащили лошади, а я на передовой лошади сидел по 6–8 часов в день и управлял этой кавалькадой.

Ухаживал я и за бахчой, где росли арбузы, качанки, лук, чеснок, картофель — все нужные овощи. Осенью все это убиралось и увозилось домой в станицу на зимовку, в степи никто не оставался. В степи у нас были дом, конюшня, загон для скота и пасека. Зимой дом и что там оставалось никто не трогал. Зимой дома я ухаживал за лошадьми, коровами, овечками, короче говоря, без дела никогда не сидел. Так все было до школы.

В школу я пошел, когда мне было 10 лет, и проучился до девятого класса, до 1930 года. Любил математику, физику, естественные науки, увлекался астрономией, но этот предмет в школе не вели.

Как-то был перемер земель у владельцев по распоряжению станичного совета. Была создана специальная комиссия, включили в эту комиссию меня как счетчика с семилетним образованием. Поля были всех форм — и треугольники, и шестиугольники. Я подсчитывал квадратные метры, а затем переводил в десятины — среди солидных мужиков я, шестнадцатилетний пацан, один умел считать, а они — нет.

Если бы закончил девятый класс, то получил бы среднее образование, но в девятый класс я ходил всего 12 дней.

Нулакам здесь не место

В 1929 году отца арестовали и судили. Дали два года и сослали в Вологодскую область, на станцию Коноша. За что? За то, что работал день и ночь, содержал большую дружную семью и прикармливал себе врагов — бедняков, которые никогда не работали и не хотели работать. Отца судили как злостного кулака, не выполняющего хлебозаготовки. А как их выполняешь, если власть опустошила все хозяйство?

После ареста отца началось раскулачивание. Приезжали и приходили все кому вздумается. Крали кому что надо. Забрали весь хлеб, лошадей, овец, коров, ликвидировали пасеку.

У нас было два дома. Их забрали, а нас переселили в кладовку, где мы, мама, бабушка и 8 детей, спали на голой земле. Кругом поставили охрану из местных батраков. Но я

сбежал, пошел на вокзал станицы, взял билет и уехал в Новороссийск, где через два дня сел на корабль и уплыл в Геленджик.

На второй день после моего возвращения, не соблюдая наказ никуда не отлучаться, я пошел в центр станицы, и когда увидели меня соглядатаи, сразу накинулись: где был? как жил? И под ружьем отправили домой. Сопровождал меня активный по тем временам батрак. По дороге надо переходить высокий мост через реку Понуру. Я шел, потом он подумал, что я его хочу сбросить вниз, заорал на меня: «Ты что? Иди вперед, а то я стрелну». Я ему сказал: «Попробуй в себя сначала стрелни, узнаешь, как оно будет. Потом мне скажешь, если сможешь». Он опять заорал: «Ей-богу, стрелну». Я потом рассказал это маме и бабушке. Бабушка говорит: «Не тронь ты их, гадов, а то и в самом деле стрелнет».

В кладовке мы прожили около года. Я хотел грохнуть хотя бы одного гада, но мама и бабушка успокаивали меня, говорили: «Не тронь их». Но вот пришло 12 сентября.



Начало пути

День был ясный, солнышко ярко светило и улыбалось, принося людям счастье, но не всем. Часов в 10 утра ввалилась кавалькада — вооруженные люди, лошади, телеги. Вбежали в кладовку, берут что попало, детей в охапку, крик, шум. «Быстро грузись на телеги и на вокзал». Мама и бабушка что успели схватили, сели в телеги, тут откуда-то взяли две наши лошади. Сказали: их берите с собой, я их привязал к телеге, и мы двинулись на вокзал станицы. Там нас погрузили в товарные вагоны. Набрался целый состав и тронулись в путь под охраной. Ехали в тесноте, голодные, без воды и не знали, куда нас везут. Потом кто-то сказал, что в Ставропольский край.

Через 4–5 дней нас привезли на станцию Дивное Ставропольского края. Выгрузили весь состав на землю. На станции были сутки. Затем нас на телегах отправили за 40–60 км от Дивного в пустое село Киевка. Местных жителей переселили неизвестно куда.

В Киевке все наше семейство поселили в пустом доме на окраине. Нам отдали две лошади, но их кормить было нечем, и вскоре они пали. Здесь мы жили до июня 1931 года. Жили плохо — голодали, менять и продавать за хлеб было нечего. Пайка никакого не давали. Живи как хочешь, на вымирание отправили. Да и ходить-то было нельзя, ловили свои же гады и сажали в тюрьму. А заниматься здесь

сельским хозяйством было невозможно — земля представляла собой один песок, ничего не росло. Я начал заниматься с неграмотными, учил их. За это мне полагался небольшой паек.

Сюда же в село был выслан хороший знакомый отца, станичник Зинченко. Он нам хотел помочь и повез на телеге мешок муки. Но его поймали, отобрали лошадей, муку и посадили в тюрьму. Он рассказал, что мы голодные и что он нам вез муку. Посадили за это и меня в одиночную камеру на три дня. А муку так и не отдали.

В Киевке была очень высокая смертность. С голоду умерли мои сестрички, Клавдия и Агафия, и годовалый брат Алеша. Тогда бабушка с моим братиком Петей решили бежать назад в станицу, а мама, я, Павлик, Маруся, Саша остались в Киевке.

Бабушка и Петя добрались до дому. Петя устроился у родни мамы, а бабушка хотела пристроиться у своей дочери Васелины Усалко, но ее муж не разрешил. Бабушке пришлось жить подаяни-

ем, у знакомых. В 1932 году бабушка умерла. Петя вскоре тоже умер.

10 июня 1931 года меня как главу семейства вызывает комендант. Пришел я к бараку, там было много людей. Вдруг появляются вооруженные люди, нас всех, 500–800 человек, загоняют в этот барак и закрывают на замок. Только 24 июня всех выгоняют на улицу и строем под конвоем ведут по голой степи без хлеба, воды. Кругом верховая охрана. Вечером нас пригнали на станцию Дивное. Сюда уже привезли семьи арестованных, нас отпустили искать своих. Я нашел маму с двумя братиками и сестрой. Вот сколько нас осталось через год.

В ночь на 25 июня мы все спали на земле рядом со станцией. Я проснулся ночью. Ночь была звездная, тихая. Я посмотрел на небо, вспомнил, что было, и впервые заплакал.

Утром всех конвой разбудил и велел грузиться в товарные вагоны. А что грузить? У каждого, в том числе и у нас, грузить было нечего. Людей было много, набрался целый состав, и 25 июня 1931 года наш состав тронулся на Урал.

Уральские будни

Пищи в дороге никакой не давали, лишь один кипяток на остановках и то под охраной. Через всю Россию мы колесили и 5 июля 1931 года прибыли на станцию Кумыш Свердловской ж.д. Сгрузили нас в лесу под открытым небом. Нам впервые дали скудный паек. Здесь



мы пробыли два дня, потом нас по реке Чусовой на плотах доставили в деревню Нижнюю Ослянку. А там разместили на квартирах у жителей. Через 11 дней нас отправили на телегах в Верхнюю Ослянку, где тоже разместили на квартирах у местных жителей. Здесь мы были недолго, и нас перевезли в лес в барак, на 185-й участок.

Меня мобилизовали на работу и отправили на Муравейку — участок, где рубили лес, кололи дрова. Начали строить дома для переселенцев и давать паек для семьи. Отдаленность Муравейки от 185-го участка, где осталась семья, была 8–10 км.

12 ноября освобожденный из заключения отец и приехал к нам. Отец договорился с жителем села Коноваловка Коняевым, и они удочерили мою сестру Марусю. Коняевы жили в достатке, поэтому Марусе там было хорошо. Наша семья теперь состояла: отец, мама, братья Павлик и Саша и я.

В июне я сильно заболел воспалением легких. Отец на телеге увез меня в село Серебрянка, где я пробыл около месяца, потом пришел домой. Я, по согласию отца и мамы, задумал бежать куда глаза глядят. Тут подвернулся еще станичник с женой, и мы втроем ушли с Муравейки, но, не доходя станции Кын, нас задержали и отправили в поселок Усть-Серебрянку на лесосплав. Там хоть кормили хорошо, но меня тянуло к семье, и я бежал оттуда в Муравейку, к семье. И 15 июля нас снова грузят на телеги, отправляют на станцию Кын. Потом в вагоны и поездом — Кын, Чусовая, Кизел, Усолье, затем на баржах по реке Вишере (приток Камы) до станции Сторожевая. Нас поместили в общий барак, где совсем недавно жили заключенные. Барак было несколько, комнат в них не было, были одни дощатые нары.

Сторожевая находилась северовосточнее города Красновишерск. Нас почти голых и необутых встретил мороз. Меня и отца перевели работать на лесоповал в Верхнюю Вильву, в 8 км от пристани Сторожиха. Мы с отцом лес пилили, жили в общем бараке, спали на общих нарах. Мама с Павликом и Сашей жили на Сторожихе, тоже в общих бараках. Нам с отцом давали от выработки по 500–600 граммов хлеба на каждого и продукты, которые отец ночью относил маме с ребятами. Сторожиха была на левом берегу, нужно было Вишеру переходить по дну. Мама не выдержала и сильно заболела, заболел и братик Павлик. Братик выздоровел, а мама — нет. Хоронил ее отец. Меня на похоронах комендант не отпустил, сказал: «хватит и одного, надо выполнять план лесозаготовок». После смерти мамочки отец, с разрешения коменданта, со Сторожихи забрал Павлика и Сашу к себе на лесопункт «Верхняя Вильва». Хлеб на братьев не давали.

Однажды отец попал под падающую ель. Мы продолжали работу на лесоповале, и отец заболел снова. Болезнь сначала переносил на ногах, но потом все же пошел в больницу, за 8–10 км от Верхней Вильвы. 10 февраля 1933 года он умер в больнице Усть-Говоруха. Мне сообщили об этом, и я, по разрешению коменданта, пошел в больницу. Меня спросили: «хоронить будете?» А как

же я мог хоронить, если я гол и бос. Доктор сказал, что ладно, сами похороним.

Как-то я ехал на участок лесоповала, на лошади переезжал через реку Верхняя Вильва. Лошадь упала в реку, а я попал под лошадь и весь вымок. Я не вернулся в барак, а поехал в бригаду. Лошадь была нужна для вывозки нарубленного леса на приемный пункт. Так работал на лесоповале до конца смены в мерзлой одежде. Я тогда сильно заболел. Павлик и Саша бросились на добычу хлеба в ближние деревни и кормили меня до выздоровления. Спасибо им, дорогим братьям, они спасли меня.

28 августа 1933 года комендатура сообщила, что меня направляют на курсы десятников в поселок Усть-Улья. Все 120 км до Усть-Улья я, с напарником Матюниным, шел пешком. Местного населения здесь нет, зато на пути встречались новые поселки для спецпереселенцев. Павлика с Сашей перевели в детдом Нижней Вильвы.

По окончании учебы нам выдали документы с правом работы десятниками по приему древесины в лесу. Но работа в конторе мне не понравилась, и я пошел на лесозаготовки в Усть-Вильву, затем на сплав по Вильве и Вишере.

Восстановление в правах

В июне 1934 года меня отправили на курсы в Чердын в лесопромышленное училище по специальности слесарь-тракторист. На работу направили на МТБ — Могильниковскую тракторную базу.

На МТБ большей частью была молодежь. Жили в бараках, ставленных после заключенных. Были мужские и женские бараки, но так как народу было много, то иногда селили в мужские бараки и женщины, они просто отгораживались занавесками. Вот на этой МТБ я и заметил одну красивую девушку, которая с первого взгляда понравилась мне. Появлялась она часто и в клубе, затем в драмкружке, в столовой. Это Мария Лисовская, моя будущая жена.

Мы с Маней часто говорили о том, что надо дальше учиться. В 1936 году Маня поступила в Свердловский дорожно-механический техникум. Училась отлично, но техникум Мане не нравился, и она по окончании первого курса решила уехать в Житомирскую область, где жила ее сестра Екатерина. Но мужа Кати арестовали, потом и Катю. Их обоих расстреляли. А Марию отчислили, арестовали и под конвоем через всю Россию привезли и доставили в комендатуру. Когда ехали поездом мимо Кизела, где я в то время учился, Мария хотела бросить в ящик мне письмо, но не посмела, подумала: «я арестантка, а он учится в техникуме».

Меня восстановили в гражданских правах 17 августа 1936 года. Я стал с этих пор гражданином СССР.

Григорий Штомпель, Пермь

На снимках: 1. Г.М. Штомпель; 2. Спецпоселенцы за работой. Краснокамск. 1930-е годы; 3. Спецпоселок, Чусовской р-н. 1930-е годы. Фото из архива Пермского отделения «Мемориала»

ЯНВАРСКИЕ ХРОНИКИ

1922. 5 января

Из РСФСР в Германию высланы 10 видных российских анархистов, среди них Всеволод Волин (Эйхенбаум), Григорий Максимов, Марк Мрачный (Клаванский), Ефим Ярчук. Они были арестованы после того, как большевики в одностороннем порядке разорвали военный союз с махновцами, с которыми еще недавно вместе сражались против Врангеля. Лидеров русского анархизма выслали после ухода Нестора Махно за границу как его идейных союзников. Григорий Максимов в эмиграции выпустил книгу «За что и как большевики изгнали анархистов из России?» (1922).

1937. 5 января

В Советском Союзе была проведена перепись населения (после одиннадцатилетнего перерыва), сопровождавшаяся шумной пропагандистской кампанией. Поскольку результаты резко расходились с действительностью (вследствие коллективизации и голода 1932–1933 гг.), итоги переписи были засекречены, а организаторы переписи объявлены «врагителями» и репрессированы. Впервые материалы засекреченной переписи были опубликованы в 1990 году.

23–30 января

В Военной коллегии Верховного суда СССР слушалось дело так называемого троцкистско-зиновьевского параллельного центра — второй «московский процесс» против бывших руководителей большевистской партии и советского государства, обвиненных в шпионаже, терроре и вредительстве (среди обвиняемых — Георгий Пятаков, Григорий Сокольников, Леонид Серебряков и Карл Радек). Некоторые показания обвиняемых против Бухарина и Рыкова дали основание для ареста последних. 2-й процесс был открытым. Даже присутствовавший на нем Леон Фейхтвангер поверил в признания подсудимых и высоко оценил «справедливость» советского правосудия. Однако зарубежная пресса уже тогда отмечала явные нестыковки в показаниях обвиняемых. Из 17 подсудимых 13 были приговорены к расстрелу, Сокольников и Радек, приговоренные к 10 годам каждый, были впоследствии убиты в тюрьме.

1942. Январь

Вооруженное восстание в Воркутлаге (одно из первых в истории ГУЛАГа).

Повстанцы планировали, освободив заключенных и обезоружив охрану, совершить бросок к железной дороге и оттуда двинуться в двух направлениях — на Котлас и Воркуту, по пути освобождая заключенных других лагерей. Предполагалось, что заключенные, спецпоселенцы и местное население примкнут к восставшим, и это превратит отряд в армию. Лидером восстания был начальник лагпункта Марк Ретюнин, уроженец Архангельской области. В 1929 его осудили за бандитизм (участие в ограблении банка), после досрочного освобождения (1939) остался в Воркутлаге как вольнонаемный.

24 января 1942 г. восставшие захватили оружие и форму. Отряд из 82 человек под командованием Ретюнина двинулся с боями и нес потери. 29 января повстанцы, которых осталось 26 человек, решили разбиться на группы, чтобы попытаться уйти в тундру к ненцам-оленьводам. 30 января — 1 февраля частям ВОХР удалось ликвидировать эти отряды. В ходе боя с основ-

ной группой (11 человек) ее руководители М.Ретюнин, М.Дунаев (начальник штаба отряда) и еще четверо повстанцев застрелились. За все время восстания погибло 42 его участника, шестерых захватили живыми. 40 человек покинуло отряд, 21 добровольно сдались властям. 16 сентября 1942 ОСО НКВД СССР приговорило к расстрелу 50 обвиняемых, 18 человек — к различным срокам лишения свободы. Потери частей НКВД и ВОХР составили 33 человека убитыми, 20 ранеными и 52 обмороженными.

20 января

Состоялась Ванзейская конференция руководителей крупнейших государственных ведомств гитлеровской Германии, посвященная «окончательному решению еврейского вопроса». В соответствии с постановлением конференции, до конца войны было уничтожено в концлагерях, расстреляно или умерщвлено голодом около 6 млн евреев.

25 января

По постановлению Государственного Комитета обороны СССР в системе НКВД организовано Управление строительства железной дороги Саратов—Сталинград. На строительство было переброшено с Дальнего Востока из района БАМа десятки тысяч заключенных и администрация, а также все железнодорожное имущество, включая рельсы. Строительство закончено в сентябре 1942 г., в разгар Сталинградской битвы. Дорога сыграла большую роль в победе под Сталинградом. БАМ был заброшен почти на 30 лет.

27 января

Организован Тагильский ИТЛ (просуществовал до конца апреля 1953 г.). За все время существования лагеря через него прошло около 187 тыс. человек. В 1942 г. из 24 тыс. заключенных Тагиллага умерло 10 630 человек.

29 января

Берия отправил Сталину список 46 арестованных, числящихся за НКВД <http://stalin.memo.ru/spiski/tomi14.htm>. В нем много генералов, командующих ВВС, бывший нарком боеприпасов И.П.Сергеев. Никаких постановлений не принималось, формальности не соблюдались. Сталин просто наложил резолюцию: «Расстрелять всех поименованных в записке». Генералов расстреляли 23 февраля, в день Красной Армии.

1947. 13, 15 января

Организованы Восточное и Западное управления строительства и ИТЛ БАМа. Восточное управление силами заключенных Нижне-Амурского и Ургальского лагерей (численностью до 44 тыс. чел.) осуществляло строительство линии Ургал—Комсомольск-на-Амуре—Совгавань. Западное с центром в Братске силами заключенных Ангарлага (численностью — 26 тыс. чел.) строило линию Тайшет—Братск—Усть-Кут.

1952. 17 января

Образовано Управление ИТЛ Особого района (Стройлаг). Среди задач управления было строительство здания МГУ на Ленинских горах. Даже образцово-показательная стройка страны не смогла обойтись без труда заключенных. Зона находилась в районе нынешнего Мичуринского проспекта. Стройлаг также занимался строительством секретных объектов, связанных с разработкой атомного оружия.

22–27 января

Волнения заключенных в Степлаге. Среди участников Александр Солженицын, который позже опишет эти события в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» (часть 5 «Каторга»). По лагерю разнеслась весть, что заключенных, помещенных в барак усиленного режима (БУР — штрафное помещение в лагере), пытаются. Была предпринята попытка штурмовать БУР, ее пресекли стрельбой. От пулеметного огня пострадали (были погублены) не только участники штурма, но и заключенные в бараках. На следующий день началась забастовка, вдобавок к отказу от работы заключенные пять дней не выходили из барак в столовую. После волнений арестовали 40 человек. Солженицын приводит хлесткое выступление одного из бригадиров (их созвали к комиссии, приехавшей в лагерь): «...бригадир Т. и медленно, почти косноязычно, от сильного волнения или от роду так он, говорит:

— Я соглашался раньше... когда другие заключенные говорили... что живем мы — как собаки...

Полкан (полковник. — *Ред.*) из президиума насторожился. Т. мнет шапку в руке, стриженный каторжник, некрасивый, с лицом ожесточенным, искривленным, так трудно найти ему правильные слова...

— ...Но теперь я вижу, что был неправ.

Полкан проясняется. — Живем мы — гораздо хуже собак! — с силой и быстротой заворачивает Т., и все сидящие бригадиры напрягаются. — У собаки один номер на ошейнике, а у нас четыре. Собаку кормят мясом, а нас рыбными костями. Собаку в карцер не сажают! Собаку с вышки не стреляют! Собакам не лепят по двадцать пять!

Теперь можно его хоть и перебивать — он главное высказал.

1957. 17 января

Верховный суд Эстонской ССР вынес приговор молодому эстонцу Тайво Уйбо за участие в создании подпольной организации «Орлы». О деятельности этой молодежной группы эстонского национально-освободительного движения известно лишь, что единомышленники купили пишущую машинку для печатания листовок. Т.Уйбо получил 5 лет лишения свободы, срок отбывал в Мордовских лагерях.

1962. 16 января

Верховный суд Грузинской ССР вынес приговор шести грузинским студентам и молодым рабочим (Гураму Макалатия, Руслану Кирия, Сергею Сordia, Вальтеру Шурга, Гамлету Саная и Анриду Саная), распространявшим в Тбилиси, Кутаиси, Сухуми, Поту, Цхакая листовки с призывом добиваться отделения Грузии от СССР. Распространители листовок получили от 1 года условно до 4 лет лишения свободы, в зависимости от степени участия и раскаяния.

26 января

Львовский областной суд вынес обвинительный приговор 20 рабочим и колхозникам Западной Украины, создавшим в 1957 г. подпольную организацию «Украинский национальный комитет», ратовавшую за выход Украины из состава СССР. У участников УНК было найдено 10 кг типографского шрифта, им также инкриминировался сбор оружия (16 стволов). Членов УНК приговорили к длительным срокам заключения, четверых — первоначально к смертной казни (впоследствии заменили на 15 лет заключения).

1967. 22 января

В Москве на Пушкинской площади состоялась правозащитная манифестация, организованная Владимиром Буковским. Группа молодежи, собравшаяся у памятника Пушкину, подняла плакаты с протестом против прошедших арестов (Александра Гинзбурга, Юрия Галанскова и их друзей — будущих фигурантов знаменитого «Процесса четырех») и требованием отмены антиконституционных статей Уголовного кодекса РСФСР. К этим статьям манифестанты отнесли — ст. 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и недавно введенные в уголовное законодательство: ст. 190–1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих... строй) и 190–3 (организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок — подразумевались несанкционированные, т.е. не государством организованные митинги, демонстрации, собрания). Организаторы и наиболее активные участники демонстрации (Владимир Буковский, Илья Габай, Вадим Делоне, Евгений Кушев, Виктор Хаустов) были арестованы; трое из них получили сроки по той самой новой статье — 190–3.

1972. 12–14 января

Начало так называемой «второй волны арестов» на Украине. По обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» в Киеве, Львове и других городах Украинской ССР прошли аресты диссидентов. Всего арестовали 12 человек, среди них: журналист Вячеслав Черновол (Черновил), литературовед Евгений Свертюк, филолог и поэт Иван Светличный, математик Леонид Плющ, поэт Василь Стус. В течение 1972 г. аресты продолжались. В 1970–1980-е в политических лагерях и тюрьмах 12-е января отмечалось как День украинского политзаключенного.

1977. 1 января

242 чехословацких правозащитника (в том числе будущий президент Чехии Вацлав Гавел) распространили «Хартию–77» — декларацию, в которой приветствовалась ратификация Чехословакией пактов ООН о правах человека и в то же время подчеркивалось, что в стране они не соблюдаются. Сбор подписей под Хартией продолжался в течение года (ее подписали более 1000 граждан ЧССР), она стала программным документом движения «Хартия–77». Авторы и распространители «Хартии–77» подвергались систематическим преследованиям со стороны властей. В поддержку Хартии и против преследований ее сторонников неоднократно выступала Московская Хельсинкская группа.

5 января

В Москве на пресс-конференции публично объявлено о создании новой правозащитной ассоциации — Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (РК). Первоначально в комиссию вошли: В.Бахмин, Д.Квачевская, И.Каплун, А.Подрабинек и Ф.Серебров. РК была основана при Московской Хельсинкской группе для помощи жертвам психиатрических репрессий. РК собирала и предавала гласности сведения о психиатрических репрессиях, осуществляла независимую экспертизу. Деятельность комиссии прекратилась в феврале 1981 г., когда был арестован ее последний участник. РК удалось привлечь внимание международных медицинских

и психиатрических ассоциаций и мировой общественности к проблеме карательной психиатрии в СССР. В 1983 г. Советскому Союзу пришлось выйти из Всемирной психиатрической ассоциации, чтобы избежать скандального исключения.

20 января

Докладная записка председателя КГБ Ю.Андропова и Генерального прокурора СССР Р.Руденко в Политбюро ЦК КПСС с предложениями по пресечению хельсинкского движения в СССР. «С учетом политической и оперативной обстановки» авторам записки представлялось «целесообразным» арестовать и судить руководителя Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова, члена МХГ Александра Гинзбурга, руководителя Украинской Хельсинкской группы Миколу Руденку, а основателя Литовской Хельсинкской группы Томаса Венцлову побудить к эмиграции из СССР.

1982. 17 января

В Москве умер писатель, автор «Колымских рассказов» Варлам Тихонович Шаламов. Тяжелобольной писатель скончался в интернате для психохроников, куда его перевели из дома престарелых Литфонда. По дороге писатель простудился.

«В палате на восемь человек Шаламов лежал и хрипел; врач предпологал пневмонию. Медсестра сказала:

— Его такого и привезли. Вставать уже не мог.

Последняя запись в истории болезни Шаламова:

«Крайне безотказно, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укунить врача».



Никакого ухода за ним в эти дни не было. Шаламов узнал пришедшую (Елену Захарову (Хинкис). — *Ред.*), обрадовался, но уже ничего не говорил. Он оставался в сознании почти до самого конца. Смерть наступила около шести часов вечера» (из статьи «Смерть Варлама Шаламова» в «Хронике текущих событий», 1983, вып. 65).

21 января

Народный суд Мцхетского района Грузинской ССР приговорил правозащитницу Тамару Чхеидзе и четверых ее друзей за «злостное хулиганство» к лишению свободы на 5 лет (условно). Подсудимым инкриминировалось выступление в защиту Ираклия Церетели, задержанного за сбор подписей под обращением с требованием воздвигнуть памятник великому грузинскому царю Давиду Строителю. Через год все пятеро были амнистированы.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством МЕМО.РУ

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие: Г.В.Кузовкин, Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Декабрь 2011 – январь 2012. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно